Как я познакомился с Музеем Истории Медицины в Риге и почему он мне понравился

Александр Липшиц (A. Lipschütz)

В конце июля 1958 года я получил письмо от профессора П.Страдыня, с которым раньше не был знаком: ведь я уехал из Риги уже в 1901 году и приезжал только на каникулы и на Революцию 1905 года; после 1930 года в Латвии уже не бывал.

Воспроизвожу первые пять строк письма:

«Из статьи советских шахматистов в журнале «Огонек» случайно узнал, что Вы работаете в Чили и собираете коллекцию по индейским племенам. Шлю сердечный привет из Ваших родных мест, и рад тому, что наши земляки успешно работают в таких далеких краях мира.»

Через это письмо Страдыня от 17 июля заново установились для меня более близкие сношения с Ригой. Я прочел все письмо с большим интересом; оно было для меня признаком того значительного прогресса, который совершился в советской Латвии в научном и обще-культурном отношении. У меня нет копии моего ответа. Но полагаю, что я откровенно высказал в моем письме, какую радость мне доставило это письмо из далекой, но всегда родной для меня страны. В начале октября до меня дошло заказное письмо из Риги, на обороте конверта было имя отправителя: Stradiņš. Письмо было написано рукою. Я был уверен, что мне пишет Страдынь, профессор медицины: «Ваше письмо доставило медикам гор. Риги большой интерес и было прочитано с огромным вниманием. Рижский Медицинский Институт собирается обратиться к Вам с приветствием, как к уроженцу Латвии. Не дождался Вашего письма лишь тот, которому оно было адресовано. Мой отец, профессор П.Страдынь скорпостижно скончался 14 августа.»

Только тут я понял, что мне пишет не профессор П.Страдынь, а его сын Я.П.Страдынь. И я отдал себе отчет о том, что слагавшаяся для меня дружба со столь выдающимся соотечественником, врачом и ученым, дружба, начавшаяся письмом, написанным ровно четыре недели до его смерти, превращается для меня в трагическое воспоминание.

Полагаю, что эти два письма представляют интерес с точки зрения биографии Павла Страдыня; поэтому, вместе с этой статьей, посылаю эти два письма в Музей имени Страдыня, чтобы они хранились в коллекции этого Музея.

Через письмо Павла Страдыня я познакомился с историей коллекции, которая легла в основу Музея истории медицины; познакомился также с тем значительным интересом, который был проявлен правительством Латвийской Советской Республики в пользу создания этого Музея.

Нет сомнения, что история научной медицины, или медицины как науки, являются прекрасным примером той тесной связи, которая существует между практикой и теорией.

Мы займемся этими основными вопросами медицинского научного познания в следующих трех пунктах:

1. Большинству образованных людей нашего времени знакомы слова, написанные Марксом весной 1845 года, когда ему еще не было 27 лет: "Die Philosophen haben die Welt nur verschieden interpretiert, es kommt aber darauf an sie zu verändern" (Философы лишь различным образом объяснили мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его¹). Это было гениальное понимание всякой науки, и в истинности подобного понимания науки, или теории, никто в настоящее время не сомневается. Анти-марксисты, которые еще приблизительно десять лет тому назад с негодованием цитировали эту знаменитую тезу Маркса, настаивая на отсутствии благородных идеалов у марксистов, и они теперь стали настаивать на теснейших сношениях между практикой и наукой. Но анти-марксисты полагают, что этой глубочайшей истине нас научили не Маркс и его предшественники, как, напр., Франсис Бэкон, а наши современные капиталисты; ведь они с удивительной быстротой превращают всякое новое научное познание в производственный метод, в такой метод «изменения мира», который способствует весьма практическому для них же увеличению «прибавочной стоимости».

В пределах медицинской науки совершенно очевидно, что дело заключается в том, чтобы изменить состояние больного, пользуясь новыми познаниями о

Александр Липшиц. Портрет художника И. С. Глазунова. 1973. (Репр. из «Песнь о Чили», Москва, АПН, 1975)

происхождении и течении болезней и о воздействии лекарственных средств. Но для того, чтобы постигнуть новые медицинские познания, медицинская наука, как и все другие науки, вынуждена абстрагировать от непосредственных практических целей науки, т.е. медицинская наука должна быть не только прикладной, но и «чистой» наукой. Весьма яркими примерами чистой научной работы в рамках научной медицины являются экспериментальная физиология и экспериментальная патология.

2. В поисках самых начал научного познания никогда не следует терять из виду, что оно зарождается не только в рамках организованного или сознательного научного мышления. Научное познание уже зарождается в повседневной практике человека. В начале XVI столетия Франсис Бэкон дал блестящее выражение этой истине в следующих словах: «Желая изменить и объяснить природу, человек успевает сделать и познать столько, сколько ему удалось высмотреть насчет природы через посредство труда и соображения [или мышления, связанного с трудом]: человек больше этого не знает, и больше этого не может [сделать и познать²]».

Opere vel Mente, вот слова Бэкона: мы познаем природу через посредство труда как и соображения, и не просто через посредство соображения. Из других трудов Бэкона вытекает с полной очевидностью, что он отдает себе также отчет о том, что *Opus* это человеческий труд, вложенный в процесс подчинения природы человеку. Первые медицинские познания зарождаются в труде, который влагается первобытным человеком в дело помощи больному собрату. История медицины, научная история медицины, не может пройти мимо медицинской практики первобытного человека, несмотря на то, что эта медицинская практика полна мифологических недоразумений.

Все эти соображения не оставляют никакого сомнения в том, что медицина первобытного человека заслуживает наш глубокий интерес, когда мы приступаем к созданию Музея Истории Медицины.

3. В истории медицины последнего полувека научные познания, которыми мы обязаны экспериментальным наукам, сыграли громадную роль. Можно сказать, что это один из основных моментов, отличающих современную медицину от медицины предшествующих времен. Но научная медицина нашего времени отличается еще одним другим моментом: познанием, что различия в социальных условиях вызывают различные клинические картины, и что в соответствии с этим фактом не может быть научно обоснованной терапии, если не принять в соображение социальные патогенные условия.

Наш разбор основных проблем истории медицины показывает, что намерение Павла Страдыня создать коллекцию, посвященную этим проблемам, и положить этим начало государственному Музею Истории Медицины было премудрое.

Не думаю, что где-нибудь в мире имеется Музей Истории Медицины, который был бы подобен тому, который был создан нашим столь

выдающимся соотечественником в Риге. Во всяком случае мне не пришлось видеть подобного Музея, несмотря на то, что мне было суждено изъездить в течение лет много стран.

При посещении Музея я не без волнения поднимался весьма постепенно с первого до четвертого этажа, переживая одну эпоху развития медицины за другой. Прошла перед моими глазами медицина первобытного человека, медицина классических культурных стран, медицина нашего средневековья, научная медицина нашего века, медицина советских стран. Чем глубже общее научно-медицинское понимание посетителя, принадлежащего к нашей профессии, тем больше будет его волнение при посещении Музея Истории Медицины, созданного Страдынем. А для коллег, заинтересованных в истории медицины, нет более подходящего способа для того, чтобы вникнуть более глубоко в современные проблемы истории медицины, чем повторное посещение Музея, или систематическое сотрудничество в Музее в одной или другой форме.

С другой стороны, студентам медицины и гражданам вообще посещение Музея дает прекрасную возможность вникнуть более обстоятельно и научным образом, в эволюцию медицины, возможность знакомиться с ее эволюционными фазами.

Не знаю, вошло ли в обычай в Музее Истории Медицины пользоваться проводниками для посетителей. Если подобные проводники находятся на должной научной высоте, они могут сыграть весьма важную роль в профессиональном и культурном развитии студентов медицины и посетителей вообще. Мне не известно, имеется ли в Рижском Медицинском Институте специальная Кафедра Истории медицины. Такой кафедре Музей Истории Медицины окажет неимоверные услуги. Со своей стороны подобная кафедра могла бы способствовать развитию Музея Истории Медицины как научного института.

Я сохранил о Музее Истории Медицины имени Павла Страдыня самые лучшие воспоминания.

Этот Музей будет служить центром истории медицины в СССР, и может быть, что он послужит также примером для создания подобных же музеев в других частях СССР, в которых история медицины в разных деталях не совсем совпадает с историей медицины западных стран. Таким образом в этих странах представилась бы возможность изучать более обстоятельно некоторые проблемы, менее доступные в музеях западных стран. Я думаю тут о Грузии, Армении, Азербайджане, Узбекистане и других федеративных республиках центральной Азии, но также о приволжских племенах...

Вечная память латвийскому гражданину, который сумел создать первый Музей Истории Медицины в СССР.

[В статье полностью сохранены географические названия, орфография, пунктуация, подчеркивание и стилистика авторской рукописи - ред.]

Примечания

1. Перевод. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*. т. 3. 2-е изд. Москва : Госуд. Издательство Полит. Литерат., 1955, , стр. 4–5. Слова подчеркнуты самим Марксом.

2. Наша цитата взята из *Distributio Operis*; она находится почти в конце этой вступительной главы Бэкона. В искаженном виде (Re вместо Opere) она находится также в *Novum Organum*, I, 1. См. также мою попытку дать анализ взглядов Бэкона на основы научного познания: "Scire" and "Scientia": *Aristotle and Francis Bacon*. Это вступительная глава к *Perspectives in Biology*, книге, написанной физиологами всех стран мира, для специалистов же, и изданной в честь знаменитого физиолога Bernardo A. Houssay, Buenos Aires (Elsevier Publish.Comp., Amsterdam, 1963. pp. 1–13). Моя работа была напечатана впоследствии и на испанском языке по просьбе редакции *Boletín de la Universidad de Chile*, No.41, agosto 1963, pp.4–15. Об отношении между Бэконом и Марксом см. мою книгу *Tres Médicos Contemporáneos: Pavlov, Freud, Schweitzer*. Losada, Buenos Aires, 1958. pp.207–210. Правильный перевод нашей цитаты из Бэкона, с ее латинского оригинала был впервые сделан выдающимся английским философом-марксистом Benjamin Farrington, в его книге *Francis Bacon: Philosopher of Industrial Science* (1949). Lawrence and Wishart, London, 1951. И я, как марксист, успел перевести эту цитату Бэкона правильно в 1956 году, прежде чем читал книгу *Farrington's*. Правда уже не особенная за услуга «открыть» вещь вторично, много лет после первого автора! Но этот факт представляет сам по себе интерес: нужно быть марксистом, чтобы правильно перевести эти значительные строки Бэкона. Я познакомился с пятью (!) переводами с латинского на английский язык, сделанными между 1831 и 1879 годами; все эти переводы неправильны. Вопрос о переводах важных трудов сам по себе очень важный с точки зрения марксистской точки зрения. Я нашел фальсифицированный перевод одного места Ветхого Завета у Мальтуса, и фальсифицированный же перевод весьма важного места Нового Завета в самом последнем официальном английском переводе. А то, что нельзя фальсифицировать, то следует сжигать! Писал же Гоббс в своем *«Левиафане»*: «Если бы теорема [сумма трех углов треугольника равна двум углам квадрата] была противна... интересам людей, которые владеют [феодалной или частной] собственностью [dominion], то не сомневаюсь, что эта теорема была бы... устранена,

3. "*In artificialibus natura jugum recipit ab imperio hominis*" (через посредство приложенного человеческого труда, природа подпадает под власть человека; *Parasceve*, I).

Профессор Александр Липшиц (Lipschütz; 1883–1980) был одним из выдающихся физиологов, эндокринологов, социологов и общественных деятелей Латинской Америки XX века. Он первым открыл взаимосвязь между концентрацией половых гормонов в организме и возникновением некоторых видов злокачественных опухолей, был одним из первых, кто осуществлял опыты по сохранению органов вне организма. Мировую известность А. Липшицу принесла его популярная книга «Почему мы умираем?», а также социальное исследование индейских племен.

А. Липшиц родился в Риге, окончил здесь Николаевскую гимназию (1901), принимал участие в революции 1905 г. в Риге и Лиепае. Медицинское образование получил в Берлине, Цюрихе, Геттингене, защитил в Геттингенском университете докторскую диссертацию по медицине (1907). Занимался научно – исследовательской работой по физиологии у проф. М. Ферворна в Геттингене и у профессора Э. Штейнаха в Вене, состоял приват-доцентом физиологии Бернского университета (1914–1919). После неудачной попытки устроиться на академическую работу в родной Риге, в Латвийском университете, состоял профессором физиологии Тартуского университета (1920–1926). С 1926 г. работал в Чили, ставшей его второй родиной, основал в 1937 г. Институт экспериментальной медицины в Сантьяго де Чили, был его директором до 1960 года. Автор большого числа научных работ по физиологии, эндокринологии, онкологии.

С 1935 г. помимо медицины активно занимался изучением расовой проблемы в Латинской Америке, историей и социологией индейских племен, руководил научной экспедицией изучения индейцев Огненной Земли (1946). Был активным общественным деятелем левого направления, другом СССР, основателем Чилийско-советского института культурных связей (1944), почетным доктором Гаванского университета в Кубе (1963), членом многих зарубежных обществ и академий наук.

В 1958 г. вступил в переписку с П. Страдынем, которую далее продолжил Я. Страдынь, прислал в дар Музею много предметов индейской культуры и свои книги. В 1962 г. посетил Ригу и музей, встретился с К. Ароном. О Липшице и его связях с Ригой опубликована статья Я. Страдыня в журнале «Zvaigzne» (1964, № 16) и библиотекаря музея Л. Б. Лившиц (Из истории медицины, т. VI, Рига, 1964). Письма А. Липшица П. Страдыню и Я. Страдыню опубликованы в журнале «Латинская Америка» (Москва, 1984, № 4).

Настоящие воспоминания проф. А. Липшица написаны по просьбе Я. Страдыня в 1963 г., опубликованы по его рукописи (на русском языке) в несколько сокращенном виде в сборнике «Павел Иванович Страдынь – врач, ученый, человек» (Рига, 1967). В данном издании воспроизводится полный текст по рукописи.

How I Learned About the Pauls Stradiņš Museum of the History of Medicine and Why I Enjoyed It

By Alejandro Lipschutz

These are the memoirs of the Chilean professor Alejandro Lipschutz, who was born in Rīga and was a well known physiologist, endocrinologist, public activist and student of Chilean Indians. Here the professor (1883–1980) writes about his impressions of the Museum of Medical History in Rīga, which he visited in 1962. He has also written about the mission of the museum. One month before his death in 1958, Professor Pauls Stradiņš began to correspond with Lipschutz, and the correspondence was then continued by Jānis Stradiņš. Lipschutz sent several gifts to the museum – ethnographic artefacts from the Chilean Indians. In 1962, he visited the museum in his native city. In an appendix, Jānis Stradiņš offers a look at the biography of Alejandro Lipschutz, who founded and directed the Chilean Institute for Experimental Medicine. His work is still of much interest among medical historians.